

Как «реставрировали» ковдскую церковь

Е. Кудрявцева

Елена Кудрявцева,
5-й выпуск биокласса,
школа № 57 (1980 г.),
закончила кафедру эмбриологии
Биофака МГУ (1986 г.), к.б.н., научный
сотрудник Университета
Калифорнии, США,
elena.kudr@gmail.com

Посвящается Галине Анатольевне

В начале 1990-х гг. в селе Ковда Мурманской области началась история, которая, увы, не закончена, и которая точно отражает весь комплекс проблем, касающихся сохранения русской деревянной архитектуры. Каждый сохранившийся пример такой архитектуры совершенно уникален и бесценен, ибо непрерывная культурная традиция строительства деревянных церквей, часовен и колоколен на Руси утрачена. Ситуацию в какой-то мере можно сравнить с тем, что было во времена татаро-монгольского ига, когда за 80 лет русские не возвели ни одной каменной церкви. Те старые храмы, что эти 80 лет пережили, послужили источником вдохновения для следующих поколений, никогда не видевших, как их строили. Они определили предметность русской архитектуры (Рапопорт, 1993). Деревянное зодчество сейчас в похожем положении — нет тех плотницких артелей, нет той страны, той русской деревни, нет той церковной культуры, которые породили это зодчество. Все, что мы можем и должны делать, — это сохранять то, что уцелело. Сохранять, чтобы было у чего учиться, на что оглянуться.

До недавнего времени таким уцелевшим чудом был Свято-Никольский деревянный храм в поморском селе Ковда на берегу Кандалакшского залива Белого моря. Небольшая по размеру клетская церковь с отдельно стоящей колокольней, предположительно — XVII век. В конце XIX века ансамбль был обшит тесом. Обшивка защищала от дождя и ветра, не портя пропорции строения. В обшивке храм был белым и очень заметным, праздничным. Надо сказать, что ковдская церковь совершенно удивительно впи-

сана в окружающий ландшафт. Она видна с озера, с реки, с дороги — еще за 3 км до села. Ее хорошо видно с моря, несмотря на то, что с северо-востока она прикрыта скалой. Ковдский залив заполнен множеством мелких островов и корг. На сколько-нибудь большом корабле не везде и пройдешь. Относительно безопасный путь, так называемый Большой Ковдский рейд, проходит ближе к северному берегу и резко поворачивает к деревне уже в самом конце. Как только лодка выходит из-за острова Овечий и поворачивает к Ковде, то первое, что видишь, — силуэт храма и колокольни, как бы вырезанный на фоне неба. Особенно это важно в сумерках, когда дома могут совершенно сливаться с берегом, а храм все еще прекрасно заметен на фоне чуть более светлого вечернего неба.

После революции церковь, конечно, закрыли, однако после войны по просьбам местных жителей в ней возобновили службы. И уже в хрущевское время закрыли окончательно. Наиболее ценные иконы вывезли, но многое из убранства и утвари еще оставалось внутри. В 1970-х, когда наша биологическая станция «Наш Дом» начала свою жизнь в Ковде, церковь была постоянно заперта, охраняемая бдительным сторожем. В те годы относительного покоя никто из нас даже ни разу не бывал внутри. Мы любовались ее сказочным обликом, совершенно не представляя себе Ковды без нее.

В 1989 г. началась реставрация ансамбля, которую поначалу все восприняли исключительно положительно. Ситуация изменилась, когда стали очевидны те странные и страшные формы, которые эта реставрация приняла. Церковь начала таять на глазах. Прелестная легкая ограда была уничтожена. Обшивка сорвана и уничтожена. Исчезли пол и крыльцо. На изумленный вопрос: «Что же здесь такое предполагается?» выяснилось, что предполагается, как выразились реставраторы, «полная переборка с восстановлением типичного облика церкви XVIII века».

Церковь ковдская оказалась, видимо, нетипичной, к тому же какие-то ее части перестраивались (а как бы им не перестраиваться за столько веков), поэтому, чтобы восстановить чистоту образа, необходимо ее разобрать до основания, а затем, конечно, собрать, но подправить. Поздние наслоения, а иногда и более ранние следы, если

они не вписываются в концепцию XVIII века, подлежат уничтожению. Следы разобранных в прежние времена частей здания, а также ясное понимание того, как строили в XVIII веке, позволяют реставраторам нарисовать точную картину того, какой была тогда ковдская церковь. Вот она, эта картина, и встанет здесь, вместо имеющейся церкви. А основанием для срочного начала полной переборки служит аварийное состояние храма. Реставраторы института «Спецпроектреставрация» Ирина Семенова и Алексей Смышляев, подготовившие проект и ведущие работы, утверждали, что церковь прогнила насквозь и стоять больше не может.

Оставлю временно в стороне анализ правомерности предложенного подхода с исторической и художественной точки зрения. Оставлю пока в стороне то впечатление, которое произвела на ковдчан разборка их храма. Первый вопрос, на который мы попытались ответить, прежде всего самим себе: действительно ли церковь в таком ужасном состоянии, что просто не может быть сохранена?

С помощью многочисленных писем протеста, которые подписывали как московские биологи, так и местные жители, министерских комиссий и телевидения, а также благодаря вмешательству такого очевидного авторитета, как Дмитрий Сергеевич Лихачев, переборку удалось приостановить. Стояли брошенные строительные леса вокруг полуразоренного храма. Автор статьи вместе с аспирантом кафедры низших растений биофака МГУ и ученицей Галины Анатольевны Асей Литвинцевой и помощниками из числа школьников биологического класса, а также при постоянной моральной поддержке самой Галины Анатольевны Соколовой, начали свое независимое микологическое обследование Свято-Никольской церкви в Ковде.

Грибы

Гниение древесины, приводящее к ее быстрому разрушению, вызывает очень специализированная группа микроорганизмов, так называемые дереворазрушающие грибы. Природа наделила их особой системой ферментов, позволяющей разлагать и употреблять в пищу супертвердую целлюлозу или даже целлюлозу в комплексе с лигнином. Это основные компоненты, придающие древесине твердость. Очень мало организмов способны усваивать эти вещества. Еще термиты, например, но на севере они не актуальны.

Роль дереворазрушающих грибов в природе огромна. Благодаря их деятельности земля не

завалена погибшими деревьями, а энергия и вещество возвращаются в общий кругооборот. Однако некоторые из этих грибов способны поселяться на деревянных постройках и — в буквальном смысле — съедать их. Наиболее активный и опасный из таких дереворазрушителей, серпула плачущая (*Serpula lacrymans*), в подходящих условиях всего за несколько лет может привести новую постройку в негодность. Но, как показывает опыт, именно в подходящих условиях. В неподходящих — рост гриба сильно замедлен или вообще невозможен.

Факторы, способствующие быстрому росту грибов, — это прежде всего влажность. Вода абсолютно необходима грибу для жизнедеятельности. Это плюсовая температура хотя бы часть года. Зимнее вымораживание убивает гриб, но с приходом тепла он быстро восстанавливается из спор или остатков мицелия, если условия благоприятствуют развитию. Быстрее разрушается свежая древесина, сохранившая легкоперевариваемые вещества. Поэтому новая постройка, будучи зараженной, имеет больше шансов погибнуть. Быстрее разрушается древесина, содержащая низкий процент смол. Именно поэтому лес предпочитают рубить зимой, когда содержание смол максимально.

Как мы и ожидали, церковь не была свободна от грибов (Kudryavtseva, Litvintseva, 2000). На стенах ковдского ансамбля нами было обнаружено три вида дереворазрушающих грибов:

1. *Serpula lacrymans* (Wulf.: Fr.) Schroet; серпула плачущая,
2. *Coniophora puteana* (Schum.: Fr.) P. Karst; кониофора,
3. *Coriollinus serialis* (Fr.) Murr; кореулелус.

Места обнаружения грибов и все очаги поражения были нанесены на побревенные схемы церкви и колокольни (см. схемы церкви на рисунке 1). В каждом случае определялась глубина деструкции древесины. Анализ очагов выявил следующее:

- 1) Наиболее агрессивная серпула обнаружена на нижних венцах здания, которые сильно разрушены. Однако она по каким-то причинам почти нигде не поднимается выше второго венца.
- 2) Отдельные маленькие пятна серпулы и кониофоры обнаружены на балках крыши и вызваны скорее всего протечками. Однако поражения локальны и неглубоки.
- 3) Два больших пятна глубоко разрушенной древесины в северной стене трапезной и в ризнице связаны с наличием печей (цифры 1 и 2 на рисунке 1). Стена рядом с печью регулярно прогревалась, а остывая, конденсировала влагу, что в сумме создавало идеальные условия для гриба.

Рисунок 1. Схемы, показывающие очаги деструкции древесины на ковдской церкви.
 Зоны грибкового поражения затемнены, степень поражения соответствует степени затемнения.

4. На северной стене снаружи обнаружен мицелий и слаборазвитые плодовые тела кореолилу-са. Однако, этот гриб — слабый разрушитель, и глубокой деструкции он не вызвал.

Осматривая наиболее пораженные северные стены, мы обнаружили небольшие стесы, сделанные в XIX веке при установке обшивки. Их поверхность была абсолютно чистой. За все это время грибница с соседних участков на них не распространилась. Это означает, что за прошедший век, пока церковь стояла под обшивкой, деструкция стен практически не увеличилась.

Мы также обследовали заброшенный дом священника (XIX век) и некоторые обитаемые дома в деревне. На 2–4 нижних венцах этих строений были найдены многочисленные молодые плодовые тела серпулы и активно растущий

мицелий. А плодовые тела, найденные в церкви, были совсем немногочисленны и невелики по размеру.

Стало ясно, что более новые постройки в деревне поражены значительно сильнее, чем старинная церковь. Скорость гниения старых бревен почему-то очень низка. Ситуация меняется рядом с печами. Но ковдская церковь почти всегда была летней, зимой не отапливалась. Печи в ней установили только в советское время, и два наиболее крупных очага разрушения — прямое следствие этого новшества.

Грибы живут внутри дерева и не всегда заметны. Чтобы увидеть, кто обитает на бревнах, мы использовали влажные камеры. Кусочек дерева помещался в закрытый сосуд, где поддерживалась высокая влажность, или же прямо на

кусок стены натягивалась пленка, и под нее ежедневно добавлялась вода. Через несколько дней в таких замечательных условиях все грибы выползают на поверхность.

На 90% взятых с церкви образцов нами был обнаружен плесневый гриб триходерма зеленая (*Trichoderma viride*). Дереворазрушающие грибы — далеко не единственные микроорганизмы, поселяющиеся на дереве. Еще это лишайники, плесневые грибы, одноклеточные водоросли, бактерии. Часть этих организмов использует дерево просто как субстрат, а энергию получает за счет фотосинтеза. Другая часть питается за счет первых. Дереворазрушающие грибы переваривают древесину, но в свою очередь могут являться объектом питания для других микроорганизмов. Все вместе они образуют биоценоз. Плесневый гриб триходерма зеленая не способен эффективно разлагать целлюлозу, однако он заинтересован в жизненном пространстве на древесине и очень хорошо умеет за это пространство бороться. Работами микологов (Рипачек, 1967; Bettucci *et al.*, 1988; Bruce, Highley, 1989, 1991) было показано, что триходерма способна подавлять рост многих опасных дереворазрушающих грибов, в том числе серпулы и кониофоры, обнаруженных в Ковде. Она выделяет яд глиотоксин (Weindling, Emerson, 1941), который препятствует росту дереворазрушающих грибов. Глиотоксин очень стоек и может накапливаться в древесине. Также было показано, что гифы триходермы при непосредственном контакте с гифами серпулы убивают последние и, видимо, используют в пищу (Murmanis *et al.*, 1988).

На помещенных во влажную камеру образцах мы наблюдали, как сначала появлялся типичный мицелий кониофоры или серпулы, он начинал расти. Однако очень скоро рядом обнаруживалась активно растущая триходерма. Через несколько дней зона триходермы увеличивалась, а зона дереворазрушающего гриба начинала уменьшаться. Через 1–2 недели мицелий дереворазрушающего гриба исчезал, оставалась одна триходерма. И во влажной камере, и под пленкой на стене, в условиях без искусственного подогрева, победа всегда была за ней.

Сообщество микроорганизмов на стенах ковдской церкви очень старо. Ясно, что грибы поселяются почти сразу после постройки. Их мельчайшими спорами пропитано все вокруг, а известно, что свежее дерево заражается легче. По-видимому, это сообщество очень устойчиво. Рост опасных грибов угнетен температурно-влажностным режимом и другими членами биологического сообщества. Такое состояние можно определить как естественную консервацию дерева.

Безусловно, уничтоженная обшивка храма способствовала его сохранности. Это подтверждают и стесы, сделанные под обшивку, да и просто наблюдения за домами в деревне. Их обязательно стремятся обшить. Церковь была целиком обшита в конце XIX века, когда появились пилорамы и доски стали относительно дешевы. Но и до того, когда каждая доска вытесывалась топором и была очень дорога, северная стена собственно церкви была все же обшита. Эта старая обшивка обнаружилась, когда реставраторы сняли более новую.

Однозначный вывод нашей работы — оснований для срочной переборки храма просто нет. Починить крышу, поменять нижние венцы, провести замены в прогнивших участках возле печек. Никогда больше печей в храме не устанавливать. Восстановить обшивку. Восстановить внутреннее убранство. Продолжить изучение исторического прошлого. Возродить храм как духовный центр. Вот вкратце самая разумная программа на будущее.

Однако жизнь стала развиваться совсем по другому сценарию, и летом 1993 г. мы имели несчастье проверить некоторые наши теории относительно жизни грибов. Реставрационные работы возобновились. Работы на это раз вело карельское ТОО «Реставрация» по документации все той же «Спецпроектреставрации». Консультировала работы архитектор Елена Ополовникова. Колокольню разобрали за шесть дней. Многие детали были сломаны. Часто попросту распилены электропилой при разборке, так как разнять хитроумные крепления, признанные ветхими, реставраторы не сумели. Также они отпилили те части бревен, которые посчитали наиболее сгнившими. И эти распилы выявили удивительный факт. Трухлявые снаружи и, кажется, совсем негодные старые бревна оказались в очень хорошем состоянии внутри (рисунок 2). Самое поразительное, что они сохранили смолистый запах. Возможно, сыграло роль и то, что для строительства был использован отборный лес. Брошенные в мокрую траву, эти старинные бревна покрылись просто зарослями триходермы. Однако, в течение нескольких лет, что мы имели возможность наблюдать за ними, дереворазрушающие грибы на них не появились.

Образ

Судьба ковдской колокольни видится особенно трагичной в свете того, что она была, конечно, в лучшем состоянии, чем церковь. Перебирать ее не было вообще никакой необходимости. Колокольня была разобрана (а пра-

Рисунок 2. (а) — церковь без обшивки, но до разборки (1992 г.); (б) — двойная главка ковдской церкви; (в) — колокольня до разборки (1992 г.); (г) — спил старого бревна из колокольни; (д) — образец с северной стороны трапезной (наиболее поврежденной), находящийся во влажной камере 10 дней: мицелий триходермы (1) вытесняет дереворазрушающий гриб кониофору (2).

вильнее сказать — сломана) и несколько лет пролежала на земле. Потом ее все же собрали. Но то, что мы все получили взамен, уже не может называться произведением искусства и историческим памятником. Была изменена конструкция шатра. Он был двойным, очень аккуратно и точно сделанным, и очень хорошо резонировал звук колокола. «Уникальная, неизвестная по другим памятникам народной деревянной архитектуры конструкция резонатора представляла собой прикрепленную к стропилам внутреннюю

тесовую обшивку, ограниченную плоским потолком, устроенным на уровне 2/3 высоты шатра» — читаем у карельского реставратора Евгения Вахрамеева.

Для реставраторов это оказалось слишком сложным. Они не смогли повторить работу старых мастеров, шатер стал однослойным, изменил свою форму, и теперь колокол на другом берегу реки уже не слышно, а раньше было слышно. Старые столбы, на которых лежал шатер, зачем-то были растесаны и украшены

Судьба ковдской церкви

игривыми дыньками. А строгие, очень красивой линии подзоры шатра, придававшие его силуэту схожесть с цветком-колокольчиком, исчезли.

Не берусь судить, возможно, новое строение больше соответствует «научному» представлению о «типичной колокольне XVIII века», но очевиден результат, который были вынуждены признать и сами реставраторы, и комиссия из Министерства культуры, — гибель замечательного памятника в результате реставрации. «Пренебрежение историческими слагаемыми облика памятника, выраженными в деталях звонницы и шатра, привело к его искажению, созданию малозначительного, безликого образа», — пишет реставратор Евгений Вахрамеев (Вахрамеев, 1998).

План переборки церкви также предусматривает «восстановление ее в облике XVIII века». Лишь один яркий пример. Главка ковдской церкви совершенно особенная, двойная. Большая — плосковатая, как чаша, а над ней — маленькая, более заостренная. Единственную похожую я видела на Ильинской церкви в Суздале. Галина Анатольевна Соколова говорит, что главка эта заставляет ее вспомнить о Марии с младенцем — она несет его, а он несет на себе крест. Возможно, есть другие толкования, но ясно уже, как глубоко символичны части храмовой архитектуры. Если главку делают по-особенному, значит хотят что-то этим сказать. Это осмысленно. Надо ли говорить, что проект переборки предполагал заменить ковдскую главку традиционной луковицей.

Колокольню зачем-то удлиннили на несколько венцов, что нарушило пропорции ансамбля. Кроме того, настоящая колокольня была слегка наклонена в сторону церкви, как и церковь — в сторону колокольни. Почти невероятно, что это

случайность. Тем более что наклонена только церковь от повалов, а главка стоит прямо. Наклоны подчеркивали единство ансамбля. Линии, проведенные от крестов колокольни и церкви, пересекались где-то высоко в небе.

Посмотрите на фотографии русских деревянных церквей. Они все такие разные, несмотря на вполне ограниченный круг используемых конструкций. Но соотношение объемов, линии, силуэт — абсолютно уникальны в каждом конкретном случае. Каждая имеет свое лицо. Эта архитектура имеет черты скульптуры. Для нее характерно тонкое чувство пропорций, прежде всего — пропорций места. Церковь в него не вдвинута, она из него вырастает. Как все живое, она не абсолютно правильна по форме и подстраивается к месту. Надо ли говорить, что перебранная колокольня все свои удивительные наклоны утратила.

Кроме того, ковдский храм просто недостаточно изучен. Ведь даже с его датировкой происходит полная неразбериха. Разные источники дают совершенно разную информацию. Чаше всего фигурирует дата 1705 г. Но церковь могла быть построена и раньше. Один из первых ее исследователей искусствовед Игорь Шургин считает, что собственно церковь могла появиться в 1597 г., а 1705 г. — дата появления колокольни (Шургин, 2001). Так все-таки — когда? Для ответа требуются дальнейшие исследования, но скоро, возможно, исследовать будет уже нечего.

«Типичное строение XVIII века» вряд ли добавит много информации об историческом прошлом.

В 2005 г. реставрация опять возобновилась. Ведут ее опять Карельские реставрационные мастерские, руководит работами реставратор

Рисунок 3. (а) — Ковдская церковь в обшивке до начала реставрации (1980-е гг.); (б) — церковь, вид с той же точки после переборки колокольни (конец 1990-х гг.).

Рисунок 4. Ковдская церковь, лето 2006 г.

Татьяна Вахрамеева. На этот раз разобрана трапезная. Трапезная конструкционно не связана с церковью, только поэтому церковь еще цела. Без всякой переборки в ней заменены нижние венцы, что в деревянных строениях делается регулярно. Это, безусловно, положительный факт, но он не умаляет потери трапезной. Опять же — уничтожен церковный пол, слегка восходящий к алтарю. (Интересно, сколько раз я употребила слово «уничтожен»? Сколько раз должна буду еще употребить?)

Ансамбль, как единое целое, то, что было так ценно именно в случае ковдской церкви, утрачен. Речь теперь может идти лишь о сохранении отдельных его элементов. Есть надежда, что хватит здравого смысла и такта не разломать характерную ковдскую главку. Хотелось бы сохранить хоть что-то от навсегда утраченной красоты. Хотелось бы надеяться, что работы все-таки будут доведены до стадии восстановления обшивки и внутреннего интерьера. Что будет восстановлена ограда. Хотелось бы верить, что что-то останется. Однако пока происходящее в Ковде свидетельствуют об обратном — трапезная разобрана, деньги как раз кончились. В лето 2006 г. ничего сделано не было. Крыша открыта, детали церкви разбросаны вокруг и зарастают травой. Всё. Никто больше ни за что не отвечает.

К несчастью, все случившееся очень типично и касается не только ковдской церкви, это — подход! Ни минуты не сомневаясь в собственных силах, реставраторы стремятся все переделать «как было», при этом подгоняют реальность под свои представления. А на деле — просто хотят получить высокооплачиваемый проект. Отсюда все идеи о необходимости срочной тотальной переборки. А тем самым уничтожается то, что

есть — подлинник — документ, свидетельствующий о прошлом, живое произведение искусства, запечатленное в дереве душа народа. В случае ковдской церкви парадоксальным образом именно реставрация, а не советская власть, пожар и общее небрежение погубила исторический памятник.

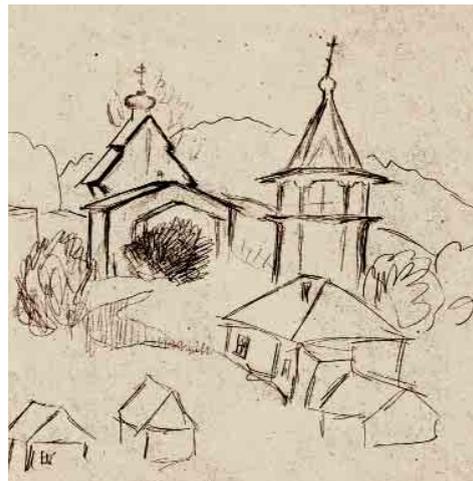
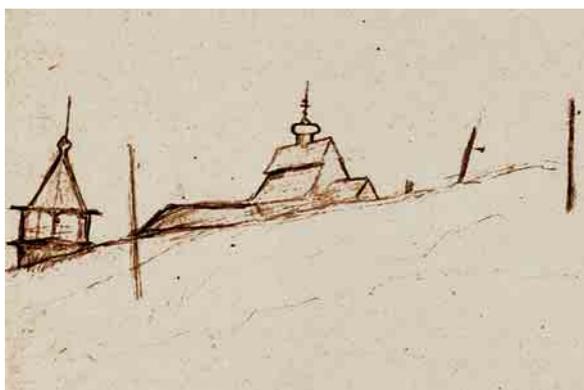
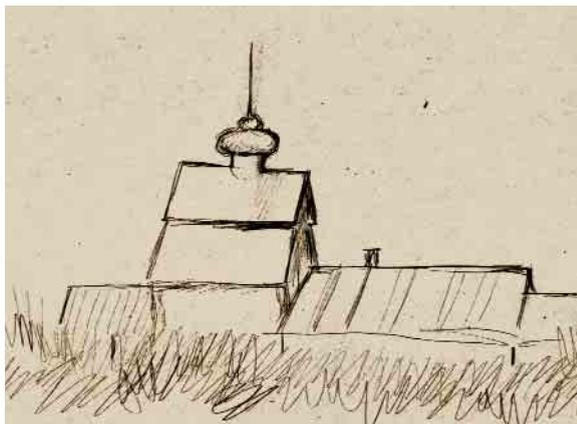
Картинки на память

Колокольня была разобрана в 1993 г., а осенью 1992 г. я ходила вокруг еще целого храма и пыталась зарисовать его с разных сторон. Зарисовать так, чтобы запомнить особенности архитектуры ковдского храма так, как я их вижу. Рисунки эти несовершенны. Выполнены большей частью на колене или вообще стоя. Обычные рабочие зарисовки. Единственное, что придает им цену, — они оказались последними. Поэтому я решила собрать их и приложить к этой статье в качестве небольшого днерожденного подарка, просто на память.

Литература

- Вахрамеев Е.В.** 1998. Концепция реставрации архитектурного комплекса в поморском селе Ковда. — Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского Гос. ун-та.
- Раппопорт П.А.** 1993. Древнерусская архитектура. — С.-Петербург.
- Рипачек В.** 1967. Биология дереворазрушающих грибов. — М.: Лесная промышленность.
- Шургин И.Н.** 2001. Беззащитные шедевры. Русское деревянное зодчество. — М.
- Bettucci L., Lupos S., Silvas.** 1988. Growth control of wood rotting fungi by nonvolatile metabolites from *Trichoderma* spp. and *Gliocladium virens* // *Cryptogimie. Mycol.* 9(2): 157–165.
- Bruce A., Highley T.L.** 1989. Decay resistance of wood removed from poles treated with *Trichoderma* // *Doc. N°IRG/WP/1386 Inter. Res. Group on Wood Pres.*
- Bruce A., Highley T.L.** 1991. Control of growth of wood decay Basidiomycetes by *Trichoderma* spp. and other potentially antagonistic fungi // *Forest Prod. J.*, 41(2).
- Murmanis L.L., Highly T.L., Ricard J.L.** 1988. Hyphal interaction of *Trichoderma harzianum* and *Trichodemna polysporum* with wood decay fungi // *Material and Organismen*, 23(4): 271–297.
- Kudryavtseva E.I., Litvintseva A.P.** 2000. The role of natural conservation of wood in preservation of wooden architectural monuments // *American Society for Testing and Materials, West Conshohocken, PA.* 116–130.
- Weindling R., Emerson O.H.** 1941. The isolation of a toxic substance from the cultural filtrate of *Trichoderma* // *Phytopathology*: 31.

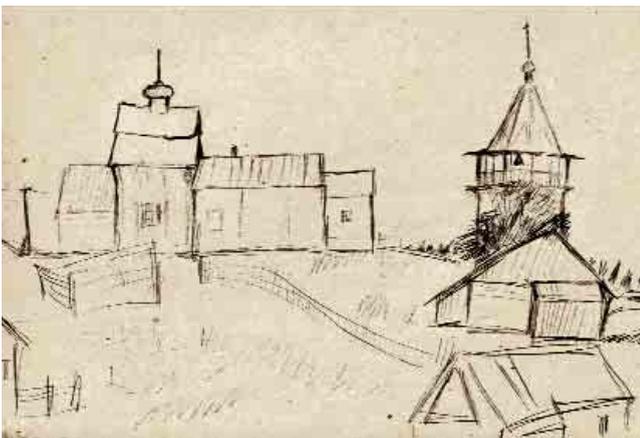
Судьба ковдской церкви

Картинки на память. Ковдская церковь, 1992 г.

Судьба ковдской церкви

Картинки на память. Ковдская церковь, 1992 г. (окончание).